

ЭО, 2006 г., № 3

© С.Н. Абашии

Статьи А. Кузнецова, П. Скальника и В. Филиппова в "Этнографическом обозрении" вновь возвращают нас к дискуссиям вокруг "теории этноса". Казалось бы, "теория этноса" уже умерла, "реквием по этносу" исполнен. "Теория" стала уделом маргинальных философов, пришедших на поминки и маловразумительно объясняющих, каким прекрасным был почивший, политологов и националистов всех мастей, спешащих заработать на памяти о покойном, разного рода полусумасшедших "шаманов", безуспешно вызывающих умершие души "этносов" с того света. Ну а если говорить серьезно, нужно ли возвращаться к разговору о "теории этноса", идя каждый раз по одному и тому же кругу, выискивать всем давно известные нестыковки и противоречия у сторонников "теории" и как магическое заклятие повторять в каждой новой работе, что "этносы не существуют"?

На мой взгляд, критика "теории этноса" должна не только показать ее концептуальную ущербность, ее неспособность описывать и объяснять, но и указать причины, по которым эта теория возникла, выявить тот контекст, в котором теория имела и продолжает иметь спрос. Что это было и есть? Тупик? Особый путь развития науки? Альтернатива европейским теориям – пусть несостоявшаяся, но альтернатива? Или советская этнография развивалась в том же направлении, что и западная антропология, но только более извилистыми путями? Почему оказалась востребована именно "теория этноса"? Это закономерность? Или случайность? В каком идеологическом и интеллектуальном поле эта теория появилась? И вообще, существует ли "теория этноса" как таковая?

Ответы на все эти вопросы не могут быть однозначными.

П. Скальник, например, утверждает, что "теория этноса" возникла "для оправдания политики несправедливого доминирования". Однако при единоличном диктаторе Сталине слово "этнос" было вычеркнуто из словаря исторических наук как "буржуазная" уловка, которая скрывала классовые противоречия. Эмигрант С. Широкогоров создавал свою теорию вообще вне советского контекста. Бывший политзаключенный Л. Гумилев со своими паранаучными историко-этнологическими изысканиями был мало кому известен, кроме узкого круга околороссийской интеллигенции. Даже акад. Ю. Бромлей, с именем которого связана легальная версия "теории этноса", подвергался критике "специалистов по научному коммунизму" за явную или неявную неортодоксальность. И было за что: теория предлагала (даже если ее авторы и последователи этого не хотели) альтернативный советскому марксизму взгляд на историю, где субъектами были не классы, а народы. Кстати, именно эта не вполне марксистская логика позволила "теории этноса" не просто пережить идеологический кризис рубежа 1980-х–1990-х годов, но и приобрести необычайную популярность в постсоветское время, когда словарь теории вышел за рамки этнографии, проник в другие академические дисциплины и вторгся в журналистику, политологию и политику.

Нельзя, конечно, утверждать, что "теория этноса" была антисоветской и антимарксистской. Ее создатели и сторонники постоянно доказывали сомневающимся полное соответствие своих взглядов канонам "марксизма-ленинизма", применяя весь необходимый для этого арсенал средств – от обильного цитирования "классиков" до изобретения сложных концептуальных схем ("этносоциальный организм" и "этникос"), которые должны были служить связующим звеном между "теорией этноса" и теориями форма-

---

Сергей Николаевич Абашии – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

ционного развития. Но такая постоянная борьба за легитимность лишь доказывает, на мой взгляд, тот факт, что "теория этноса" неявно оспаривала некоторые основополагающие марксистские постулаты. Вопреки бытующим представлениям, которые можно найти в статье Скальника, стоит вспомнить, что "теория этноса" в советское время так и не стала официальным языком для формулирования национальной политики, зато была востребована многими противниками советского строя, да и просто учеными, которые стремились мыслить более свободно.

Еще один упрек, который адресует В. Филиппов "теории" Широкогорова и "теории" Гумилева и который можно было бы адресовать отчасти "теории Бромлея", – биологизм со всеми вытекающими из него расистскими последствиями. Это довольно сильный и небезосновательный упрек. В рассуждениях об этносе некоторый биологизм, несомненно, присутствует, несмотря на стремление сторонников Гумилева и тем более Бромлея отмежеваться от таких подозрений. Частые сравнения с "популяцией", постоянные ссылки на "общее происхождение", рассуждения об эндогамии как "признаке этноса", об общности "расового типа" и "психического склада" заставляют думать о какой-то биологической природе этноса. И даже те исследователи, которые отрицают биологизм как таковой, нет-нет да и используют словарь из биологического арсенала: этносы – это "организмы", которые "рождаются", "растут", "умирают", имеют "волю", "сознание" и "память", которые – именно как "тело" или "организм" – "борются", "принимают решение" и т.д. В одной дискуссии лет 10 тому назад "этносы" сравнивались с животными и растениями – и это мало кому казалось странным.

Однако, критикуя "теорию этноса" за более или менее выраженный натурализм и даже обвиняя ее в скрытом расизме, нельзя не замечать того факта, что в советское время создатели академической версии "теории этноса" старательно дистанцировались от прямых биологических объяснений этнической реальности. Даже у Широкогорова, которого обычно обвиняют в биологизме, по словам Филиппова, «...все то, что относится к попыткам биологических трактовок "этноса" и "этнических феноменов", выглядит самым слабым, противоречивым и неубедительным...».

Говоря о биологизме, следует вспомнить и еще одно обвинение в адрес "теории этноса", которое сегодня часто повторяется ее противниками и которое задним числом становится главной претензией к Широкогороду, Гумилеву и Бромлею. Речь идет о "примордиализме". Биологический, точнее, натуралистический словарь, который использовался при описании "этноса", связан с идеей "глубинности", "укорененности" и "исконности", т.е. "примордиальности" этнических характеристик. Но если без биологизма "теория этноса" может существовать, то без "примордиализма" – нет. Без утверждения, что "этнос" существует объективно, *вне* отдельно взятого человека, переходит по наследству из поколения в поколение и обладает удивительным свойством сохранять устойчивость и живучесть вопреки любым социальным метаморфозам, "теория этноса" рассыпается и становится бессмысленной.

Однако исчерпывается ли характеристика "теории этноса" определением "примордиалистская"?

Я хочу обратить внимание, что А. Кузнецов в своей статье о "теории" Широкогорова пытается интерпретировать ее с учетом новых представлений об "этничности". Кроме положительных сравнений с В. Тишковым и С. Соколовским, известными как противники "теории этноса", автор фактически повторяет известный тезис норвежского антрополога Ф. Барта, с которого ведется отсчет критики "примордиализма": "...для С.М. Широкогорова этнос – это не набор признаков, меняющихся в зависимости от обстоятельств, а сначала устойчивый набор отношений приспособления...". Не знаю, насколько правомерна подобная интерпретация Широкогорова, но тот факт, что и "теория этноса" Широкогорова, и "теория этноса" того же Бромлея, да и "теория" Гумилева

были довольно сложными конструкциями, в которых находили себе место разные, даже исключают друг друга, позиции, – сомнения у меня не вызывает.

Возвращаясь к контексту, в котором "теория этноса" возникла, не стоит, в частности, недооценивать тот факт, что советская "теория этноса", несмотря на ее более или менее очевидный "примордиализм" и не очень очевидный биологизм, находилась в довольно жестких рамках марксистского дискурса, который служил непреодолимой методологической преградой для тех, кто хотел бы увидеть в этносе какую-то самостоятельную и тем более биологическую сущность. Марксистская теория, которая ни в каком виде – даже в самом выхолощенном – не предполагала полной самостоятельности этнических явлений и процессов, вынуждала этнографов строить такие схемы, в которых экономика и социальные отношения оставались бы фундаментом "этносоциальных организмов".

Во многом благодаря марксизму внутри советской этнографии сохранялся некоторый скепсис по поводу "теории этноса", что принимало форму дискуссий об этническом самосознании, безэтничности, хозяйственно-культурных типах и т.д. Я бы даже рискнул утверждать, что внутри советской этнографии существовали свои "конструктивисты", которые если и не отрицали существование "этносов", то, по крайней мере, вносили в интерпретацию "теории этноса" элементы критики "примордиализма" и биологизма.

Окончательное превращение "этноса" в категорию, описывающую некую неизменную, наиндивидуальную, органическую "субстанцию", произошло уже в постсоветский период, когда из "теории этноса" была выброшена марксистская составляющая. По сравнению с некоторыми постсоветскими версиями "теории этноса" (на память мне приходят С. Лурье и С. Рыбаков) советская этнологическая мысль была гораздо более гибкой в понимании исторической изменчивости социальных явлений и в признании сложности и многофакторности этнических явлений и процессов.

На мой взгляд, упрощенные оценки советской "теории этноса", да и вообще истории советской этнографии, должны уйти в прошлое. "Теория этноса" – вовсе не универсальный ключ для решения всех научных проблем, как кажется многим особо рьяным ее сторонникам; в этой "теории" много разных противоречий, недоказанных тезисов, нелогичных аргументов, надуманных и даже в чем-то опасных обобщений. Но "теория этноса" и не является эдаким монстром, который был совершенно чужд научности и который только обслуживал интересы тоталитарного режима. Советское время – большая и сложная эпоха, в которой было место и сотрудничеству этнографии с властью, и заметной ныне оппозиции, и несогласию с официальной идеологией. Все это еще предстоит заново осмыслить.